

РИПСИМЕ КОРХМАЗЯН

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВЕТСКО-
ТУРЕЦКИХ ОТНОШЕНИИ НА БЕРЛИНСКОЙ
(ПОТСДАМСКОЙ) КОНФЕРЕНЦИИ РУКОВОДИТЕЛЕЙ
ТРЕХ СОЮЗНЫХ ДЕРЖАВ—СССР, США
И ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Взаимоотношения Турции и Советского Союза, а сегодня Турции и России, занимали и занимают одно из центральных мест в турецкой внешнеполитической концепции, являясь в значительной степени определяющими в ее разработке и развитии.

Новая историческая ситуация—распад СССР, создав возможность объективного исследования советско-турецких отношений, одновременно породила четко прослеживающуюся сегодня, как представляется, опасную тенденцию—недостаточно документированную и далеко не всегда обоснованную критику всех сторон и аспектов советской внешней политики. Подобный подход автоматически и однозначно приводит к оправданию турецкой политики и позиции относительно СССР. Соответственно оправдываются и военно-политические и дипломатические усилия западных держав, поддерживавших и поддерживающих Турцию. Отмеченная тенденция заметно распространена и в определенных кругах представителей армянской политической и общественной мысли. Между тем именно армянская научная мысль должна быть глубоко заинтересована в объективном анализе всех аспектов политики Турции и ее союзников относительно Советского Союза. И хотя проблема армянских территорий пере-

стала быть объектом российско-турецких взаимоотношений, ее исследование представляет интерес не только в научном, но и в политическом отношении.

Как известно, Берлинская (Потсдамская) конференция, проводившаяся после капитуляции Германии и окончания войны в Европе с 17 июля по 2 августа 1945 г., имела своей целью мирное урегулирование возникших важнейших проблем, в том числе территориальных. В ходе этой конференции значительное внимание было уделено обсуждению вопроса о Турции, советско-турецких отношениях, включая территориальные претензии СССР к Турции.

Однако позиции, занятые собеседниками при обсуждении отмеченных проблем и определившие исход переговоров по этим вопросам, в известной степени проявились несколько раньше, еще на Крымской (Ялтинской) конференции руководителей союзных государств в начале февраля 1945 г. Уже на переговорах в Ялте стали заметны различия в отношении союзников к Турции. Президент США Ф. Д. Рузвельт поставил важный практический вопрос: «Следует ли приглашать на конференцию (имелась в виду конференция создававшейся Организации Объединенных Наций) наряду с воюющими против Германии странами также «присоединившиеся страны», например, Парагвай, Перу, Уругвай, Чили, Египет, Исландию, которые порвали отношения с Германией, но не объявили ей войны?»¹ Сталин же обратил внимание на то, что если на конференцию будут приглашены не только страны, объявившие войну, но и «присоединившиеся» то странам, действительно воевавшим с Германией, будет обидно сидеть рядом с теми, которые колебались и жульничали в течение войны.² В результате обсуждения союзники договорились, что на конференцию будут приглашены все те страны, которые объявят Германии войну до 1 марта 1945 г.

У. Черчилль, премьер-министр Великобритании, не удовлетворился, однако, принципиальным решением относительно «присоединившихся» стран и считал необходимым специаль-

но высказаться за приглашение Турции, хотя, может быть, это предложение и не встретит всеобщего одобрения. «Турция заключила с Англией союз еще до начала войны, в очень опасное время. Когда началась война, турки считали, что их армия недостаточно хорошо вооружена для современного типа войны. Тем не менее позиция Турции была дружественной и полезной во многих отношениях. Однако Турция не воспользовалась предложением, сделанным ей год назад, вступить в войну»³. Между тем позиция турецкого правительства в годы войны, как свидетельствуют документы, в том числе и на ее заключительном этапе, скажем в 1944 году, за несколько месяцев до конференции в Ялте, приводила его в состояние нескрываемого раздражения. Теперь же, не замечая противоречивости приводимых аргументов, Черчилль, уговаривал собеседников: «Не следует ли туркам дать возможность раскаяться на смертном одре?» и получил подтверждение, что «Турцию следует пригласить, если она объявит войну Германии до конца февраля»⁴.

Протоколы Крымской конференции констатируют также, что «было достигнуто соглашение о том, что три министра иностранных дел... обсудят предложение Советского Правительства в отношении Конвенции в Монтре и сделают доклад своим правительствам. Турецкое правительство будет информировано об этом в надлежащий момент»⁵.

Далее события развивались с нарастающей интенсивностью.

Западные союзники оказали на Турцию давление, фактически принудив ее 23 февраля 1945 г. объявить войну Германии и Японии. Президент Турции Исмет Инсю не считал нужным хотя бы слегка закамуфлировать вынужденность этого турецкого шага, прямо и официально заявив: «...Мы вступили в войну против немцев и японцев лишь по требованию союзников. Это должно быть имело для них какое-то значение, поэтому они и настаивали на этом»⁶. А чуть менее месяца спустя, 19 марта, Советский Союз денонсировал советско-турецкий договор от 17 декабря 1925 года о друж-

был нейтралитете как несоответствующий новой обстановке и нуждающийся в серьезном улучшении⁷.

В связи с этим в июне 1945 года, уже после окончания войны в Европе, в Москве прошли советско-турецкие переговоры, во время которых советской стороной был поднят территориальный вопрос и вопрос о Конвенции в Монтре. Переговоры, в пересказе В. М. Молотова, наркома иностранных дел СССР, начались с предложения турецкого правительства заключить между Турцией и СССР договор о союзе. При этом турецкая сторона поинтересовалась условиями, на которых Советское правительство было бы готово это сделать⁸. В ответ правительство СССР потребовало урегулирования вопроса об отторгнутых от Грузии и Армении территориях—возвращения этих территорий Советскому Союзу, пересмотра режима Черноморских проливов и создания там советской базы⁹.

«В 1921 году,—говорил Молотов,—турки воспользовались слабостью Советского государства и отняли у него часть Советской Армении. Армяне в Советском Союзе чувствуют себя обиженными. В силу этих причин Советское правительство и подняло вопрос о возвращении законно принадлежащих Советскому Союзу территорий. Что касается вопроса о проливах, то Советское правительство давно уже говорит о том, что Конвенция в Монтре его не устраивает»¹⁰. Так возник вопрос о территориальных требованиях СССР к Турции.

Понимая, что поднятые проблемы будут обсуждаться союзниками, встревоженное турецкое правительство обратилось к Великобритании. Турки немедленно выехали в Лондон к министру иностранных дел Идену¹¹, добиваясь помощи и поддержки английского правительства. И, как свидетельствуют документы конференции в Потсдаме, получили их.

Еще до начала конференции, 7 июля, президент США Г. Трумэн сообщил, что считает необходимым в первую очередь обсудить «процедуру и механизм для мирных переговоров и урегулирования территориальных вопросов»¹². В предложениях же английской стороны 5-м пунктом значи-

лось: «Вопрос о проливах и русско-турецких отношениях вообще»¹³.

В канун официального открытия Потсдамской конференции, 16 июля, Молотов и Иден среди прочего обменялись мнениями и по этому вопросу. Иден сообщил Молотову, что «турки не согласны на удовлетворение территориальных требований Советского Союза», на что Молотов заявил, что «территория, о которой идет речь, не принадлежит туркам. Они поступили несправедливо, отняв ее у Советского Союза. Поляки тоже поступили несправедливо, захватив часть советской территории в 1921 году. Однако поляки решили пересмотреть свою позицию и согласились теперь возвратить эту территорию Советскому Союзу. Он, Молотов, приводил этот пример туркам». На замечание Идена о том, что «в Турции нет линии Керзона», последовало возражение: «Тем не менее английское правительство раньше не раз выступало в защиту армянского населения, находившегося под турецким владычеством...». А на вопрос Идена: «Много ли армян проживает на турецкой территории?»,—Молотов ответил, что «их там около 400—500 тысяч. Всего в Советской Армении живет около 1 млн. армян, а вне территории Советской Армении, за границей, проживает свыше 1 млн. армян. Когда территория армян расширится, многие армяне, проживающие за границей, будут стремиться возвратиться на родину. Армяне очень способные и энергичные люди, особенно в хозяйственных вопросах. Пусть турки отдадут Советскому Союзу армян, это будет справедливо»¹⁴.

Вопрос о Турции был включен в повестку дня шестого заседания глав государств и правительств 22 июля третьим пунктом, точнее перенесен сюда с предыдущего совещания. Его поставила английская делегация: Черчилль, заявил, что «этот вопрос становится важным ввиду признанной необходимости внести изменения в Конвенцию в Монтре». По мнению британского правительства, «этот пересмотр должен был быть осуществлен путем соглашения между участниками конвенции, за исключением, конечно, Японии». Черчилль зая-

вил, что «неоднократно выражал готовность разработать соглашение, согласно которому советский флот—военно-морской и торговый—мог свободно плавать из Черного моря в Средиземное и обратно. Поэтому мы открываем обсуждение этого вопроса на основе дружественного согласия». Далее Черчилль, как он выразился, позволил себе «обратить внимание генералиссимуса на важность того, чтобы не напугать Турцию». Английский премьер отметил, что «несомненно, Турция весьма встревожена концентрацией болгарских и советских войск в Болгарии, а также продолжающимися нападками на нее в советской печати и по радио и, конечно, тем оборотом, который приняли переговоры, состоявшиеся между турецким послом в СССР и г-ном Молотовым. Во время этих переговоров было упомянуто об изменении восточной границы Турции, а также о советской базе в проливах». Черчилль подчеркнул, что он понимает, что «это не претензии Советского правительства к Турции; однако, ввиду того, что Турция поставила вопрос о союзе с СССР, последний выдвинул условия заключения такого союза. Мне совершенно ясно,—не без иронии заявил Черчилль,—что если Турция просит у Советского правительства заключения наступательного и оборонительного союза, то Советскому правительству представляется хороший случай заявить о том, как можно улучшить отношения между Турцией и Россией. Турцию, однако, встревожили выдвинутые условия»¹⁵.

На вопрос Черчилля, как развивалась ситуация, Мологов сообщил, что турецкое правительство, проявив инициативу, поставило вопрос о союзном договоре сначала перед советским послом в Анкаре, а затем, в конце мая, через турецкого посла в Москве. В начале июня состоялись две беседы между Молотовым и турецким послом в СССР Сарпером. Далее Молотов пересказал уже изложенные им Идену соображения, сделав некоторые дополнения: «Заключение союзного договора означает, что мы должны совместно защищать наши границы: СССР—не только свою, но и турецкую, а Турция—не только свою, но и советскую границу. Однако

в некоторых частях,—разъяснял Молотов,—мы считаем границу между СССР и Турцией несправедливой. Действительно, в 1921 году от Советской Армении и Советской Грузии Турцией была отторгнута территория—это известная территория областей Карса, Артина и Ардагана... поэтому мною (Молотовым) было заявлено, что для того, чтобы заключить союзный договор, следует урегулировать вопрос об отторгнутой от Грузии и Армении территории, вернуть им эту территорию обратно». Затем Молотов изложил советскую позицию относительно проливов, добавив, что Советское правительство выразило готовность, если турецкое правительство считает неприемлемым урегулирование обоих этих вопросов, (...) заключить соглашение, касающееся только проливов»¹⁶.

Со своей стороны Черчилль заявил, что его старое предложение о готовности «повлиять на турецкое правительство, чтобы оно согласилось на пересмотр Конвенции в Монтре... остается в силе», однако, поскольку «возникают совсем другие вопросы» и «речь идет о русской базе в проливах, а также о том, что никто не может иметь отношение к вопросу о Дарданеллах и Босфоре и проходе через них, кроме Турции и Советского Союза», то он чувствует себя «совершенно свободным в отношении новых предложений». При этом Черчилль выразил убежденность, что Турция «никогда не согласится на это». В ответ последовало возражение Молотова, что существовали договоры, «по которым вопрос о проходе через проливы решался только Турцией и Россией. Это договор 1805 года и Ункяр-Искелесийский договор 1833 года».

Трумэн ограничился сообщением, что «не готов высказывать свое мнение по этому вопросу»¹⁷.

На следующий день обсуждение этих вопросов было продолжено. Черчилль повторил, что не может «поддерживать предложение о создании русской военной базы в проливах» и не думает, чтобы «Турция согласилась с этим предложением». Сталин же вернулся к заявлению Черчилля, о том, что «русские напугали турок», и посчитал нужным «дать

справку по этому поводу—для успокоения г-на Черчилля»: «Я не знаю, как его информировали турки, но я должен сказать, что в Болгарии у нас имеется 2 дивизии. Г-н Черчилль был напуган турками». Далее Сталин сообщил, что «у турок имеется в районе Константинополя свыше 20 дивизий, возможно, 23 или 24 дивизии. Уверяю вас, болгарские войска турок не напугали. Предложение об исправлении границы—может быть это могло напугать турок?—лукаво задавался вопросом Сталин.—Но речь шла о восстановлении границы, которая существовала до первой мировой войны. Я имею в виду район Карса, который находился до войны в составе Армении, и район Ардагана, который до войны находился в составе Грузии... И мы заявили Турции, что если она хочет заключить с нами союз, нужно исправить эту границу, если же она не хочет исправлять границу, то отпадает вопрос о союзе»¹⁸.

Что касается требований базы в районе Проливов, то Сталин высказался следующим образом: «Конвенция в Монте-целиком направлена против России, это—враждебный России договор. Турции предоставлено право закрыть пролив для нашего судоходства не только в том случае, когда идет война, но и в том случае, когда Турции покажется, что существует угроза войны, причем вопрос о том, когда эта угроза возникает, решаст сама Турция. Невозможное положение! Турции всегда может показаться, что существует какая-то угроза, и она всегда может закрыть проливы. У нас, русских, ровно столько же прав в отношении проливов, сколько у японского императора. Это смешно, но это факт. Выходит, что небольшое государство, поддерживаемое Англией, держит за горло большое государство и не дает ему прохода». «Можно себе представить,—продолжал Сталин,—какой шум поднялся бы в Англии, если такой договор существовал бы в отношении Гибралтара, или в Америке, если такой договор существовал бы в отношении Панамского канала. Таким образом, стоит вопрос о том, чтобы нашим кораблям был дана возможность свободного прохода из Черного моря и об-

ратно. Но так как Турция слаба и не может сама отстоять возможность свободного прохода в случае каких-либо осложнений, то мы должны иметь какую-то гарантию, что эта свобода прохода будет обеспечена»¹⁹.

Сталин выразил согласие и на иное решение этого вопроса: «Вы считаете, что военно-морская база в проливах неприемлема. Хорошо, тогда дайте нам какую-либо другую базу, где русский флот мог бы ремонтироваться, экипироваться, и где он мог бы совместно со своими союзниками отстаивать права России. Вот как обстоит дело. Но оставлять положение в том виде, как оно сейчас существует, смешно»²⁰.

По мнению американской стороны, высказанному Трумэн-ом, территориальный вопрос «касается только Советского Союза и Турции и должен быть решен между ними», в то время как «вопрос о Черноморских проливах касается всех час и многих других стран».

Черчилль поддержал позицию американского президента²¹.

Наконец, 24 июля на восьмом заседании вопрос о Турции обсуждался в последний раз. Трумэн продолжал настаивать, что «если свободный режим проливов будет гарантирован международным авторитетом, то никаких фортификаций в этих проливах не понадобится ни Турции, ни России». Разделяя точку зрения американского президента, Черчилль заверял Сталина, что полностью понимает и согласен, что «такая великая держава, как Советский Союз, не должна кланяться Турции всякий раз, когда ей нужно провести свои корабли через проливы только потому, что Турция заявляет, что она боится войны». Он, Черчилль, разделяет недовольство таким положением вещей. «Предложение о международном контроле означает, что проливы не будут находиться в чьих-либо одних руках»,—продолжал настаивать Трумэн и обещал приложить усилия, чтобы убедить турок в правильности такой точки зрения по этому вопросу²².

В конце концов, признав, что Конвенция о Проливах, заключенная в Монтре, должна быть пересмотрена, три Пра-

вительства согласились, что «в качестве следующего шага» данный вопрос станет темой непосредственных переговоров между каждым из трех Правительств и Турецким Правительством²³. Вопрос о территориях, признанный проблемой двусторонних советско-турецких отношений, больше не поднимался.

В заключение следует отметить некоторые моменты более общего плана. Так, тексты заявлений руководителей великих держав поражают обыденностью и фарисейством рассуждений—в первую очередь при обсуждении территориальных проблем. Если убрать прилагательные—русский, советский, английский,—зачастую будет трудно определить, кому принадлежат высказывания—диктатору Сталину или главе правительства демократической Англии и одновременно премьер-министру мировой колониальной империи Черчиллю. В расчет принимались лишь государственно-политические соображения и возможности силового и политического давления, едва прикрытые фразеологией об интересах того или иного народа, что, собственно, в меру необходимости делал и Сталин при обсуждении территориальных требований Советского Союза к Турции.

Другое обстоятельство—понимая, что вряд ли удастся договориться с союзниками по всем пунктам, Сталин и Молотов как бы разделили между собой варианты компромиссов. Молотов заявлял, что можно поступиться требованиями о возврате армянских и грузинских территорий в случае достижения соглашения о военной базе в Проливах. А Сталин на следующем же заседании соглашался получить какую-либо другую базу, по повторял, что договора с Турцией не будет без решения территориальных проблем. Однако его утверждение о том, что проблема армянских и грузинских земель появилась лишь как следствие турецких предложений о заключении союзного договора с СССР, не вызывает сомнения. Во-первых, она лежала в русле одного из важнейших направлений советской политики с конца 30-х годов: возвращение утраченных территорий Российской империи—терри-

тории у Ленинграда, Прибалтика, район Кёнигсберга (Калининградская область), Западная Белоруссия, Западная Украина, Бессарабия, территории на Дальнем Востоке. Во-вторых, уже после того, как стало совершенно очевидно, что ни о каких базах в Проливах не может быть и речи, ситуация на советско-турецкой границе продолжала оставаться исключительно напряженной в течение ряда лет.

Спустя восемь лет, 30 мая 1953 года, советское правительство сделало правительству Турции заявление: «Во имя сохранения добрососедских отношений и укрепления мира и безопасности правительства Армении и Грузии сочли возможным отказаться от своих территориальных претензий к Турции. Что же касается вопроса о проливах, то Советское правительство пересмотрело свое прежнее мнение по этому вопросу и считает возможным обеспечение безопасности СССР со стороны проливов на условиях, одинаково приемлемых как для СССР, так и для Турции. Таким образом, Советское правительство заявляет, что Советский Союз не имеет никаких территориальных претензий к Турции»²⁴. Однако убедить Турцию, что СССР впредь не будет возвращаться к вопросу о территориях, не удавалось более 45 лет. Конечно, территориальная проблема была далеко не единственной причиной, породившей столь длительный бездоговорный период в советско-турецких отношениях, но, несомненно, одной из главных. Лишь в самый канун краха Советского Союза, в марте 1991 года, между СССР и Турцией был подписан договор «О дружбе, добрососедстве и сотрудничестве».

Что касается истинных намерений Сталина, то документы Берлинской конференции свидетельствуют о его откровенном стремлении извлечь максимум, получить все, что только окажется возможным. Мнение же некоторых историков о том, что советское правительство интересовали лишь проливы и базы, а вопрос земель был только разменной монетой, не находит подтверждения. Такая позиция продиктована, видимо, негативным отношением к личности Сталина, психологическими причинами. Но между попыткой Сталн-

на вернуть армянские земли и его отношением к армянскому народу нет никакой связи. Просто имперские устремления вождя в данном частном случае совпадали с национальными интересами армянского народа. И признание серьезности этих попыток способствует лишь установлению исторической истины.

HRIPSIME KORKHMAZIAN

THE TERRITORIAL PROBLEMS OF SOVIET-TURKISH
RELATIONS IN THE BERLIN (POTSDAM) CONFERENCE
OF THE THREE LEADERS—USSR, USA
AND GREAT BRITAIN

The interrelations between Turkey and USSR, as well as that of the Turkey and Russia today are of utmost priority in the foreign political concept of Turkey.

The article deals with the next problems—the attempt of the USSR to return the Armenian and Georgian territories which were part of Russian Empire but later (Moscow Treaty, 1921) given to Turkey, to get a base on the straits, had a great influence on Soviet—Turkish relations.

The territorial claims of the USSR to Turkey were formulated still before the Berlin Conference, during the discussions of Turkey's proposal concerning the alliance treaty between the USSR and Turkey, in Moscow. Turkey was announced that the USSR is insisting on the regulation of the problem of Georgian and Armenian territories annexed by Turkey, that is to return these territories to the USSR, to revise the strait-regime and to create there a Soviet base.

The Turkish government realized that these problems will be discussed by the allies, so it applied to Great Britain trying to get the latter's support. According to the documents of the Conference the Turkey's application was successful. The American president declared that „the territorial problem is concerning to the USSR and Turkey, so it must be resolved between them“.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941—1945 гг., т. IV. Крымская конференция руководителей трех союзных держав—СССР, США и Великобритании (4—11 февраля 1945 г.). Сборник документов, М., 1984. Док. № 10, с. 112. Запись заседания глав правительств, 7 февраля 1945 г.

² Там же, док. № 13, с. 136. Запись заседания глав правительств, 8 февраля 1945 г.

³ Речь идет об англо-франко-турецком договоре о взаимопомощи от 19 октября 1939 г.

⁴ Там же, с. 137.

⁵ Там же, док. № 28, с. 263. Протокол работы Крымской конференции. XIV. Конференция в Монтре и Проливы.

⁶ Ибни пин Сөлөв җе Деме: сги а н и, 19 6, с. 39.

⁷ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и Материалы, т. III (1 января—3 сентября 1945 г.), ОГИЗ, 1947, с. 146.

⁸ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941—1945 гг., т. VI. Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав—СССР, США и Великобритании (17 июля—2 августа 1945 г.). Сборник документов, М. Политиздат, 1984. Док. № 1, с. 37—38. Запись беседы народного комиссара иностранных дел СССР с министром иностранных дел Великобритании. Потсдам, 16 июля 1945 г.; док. № 13, с. 135—136.

⁹ Там же, с. 135—136.

¹⁰ Там же, с. 37.

¹¹ Там же.

¹² Берлинская конференция... док. № 30, с. 283. Письмо посла США в СССР народному комиссару иностранных дел СССР, 7 июля 1945 г.

¹³ Берлинская конференция... док. № 31, с. 285. Письмо посла Великобритании народному комиссару иностранных дел СССР, 11 июля 1945 г.

¹⁴ Берлинская конференция... док. № 1, с. 38.

¹⁵ Берлинская конференция... док. № 13, с. 134—135. Запись шестого заседания глав правительств, 22 июля 1945 г.

¹⁶ Там же, с. 135—136.

¹⁷ Там же, с. 137.

¹⁸ Берлинская конференция... док. № 16, с. 148—149. Запись седьмого заседания глав правительств, 23 июля 1945 г.

¹⁹ Там же, с. 149.

²⁰ Там же, с. 150.

21 Там же, с. 151.

22 Берлинская конференция... док. № 18, с. 170. Запись восьмого заседания глав правительств. 24 июля 1945 г.,

23 Берлинская конференция... док. № 158, с. 444. Протокол Берлинской конференции трех великих держав. 1 августа 1945 г., XVI. Черноморские проливы.

24 Берлинская конференция... с. 477.